
© Маруся Климова (Кондратович Татьяна), текст, 2012 г.
Опубликовано в журнале «Опустошитель», № 8, 2012 г.

Маруся Климова

портрет художницы в юности

Ольгу Ошанину часто принимали за дочь известного поэта, написавшего слова песни «Эй, дороги, пыль да туман», но это было не так. Просто она сочиняла стихи, однако поэтический дар вовсе не достался ей по наследству, а снизошел на нее свыше и совершенно неожиданно для окружающих, включая и ее близких родственников. Как-то она сидела на кухне и вдруг почувствовала странный зуд в руках, отчего ей нестерпимо захотелось взять листок, на котором стояла пол-литровая банка с букетиком мимоз, чтобы записать на нем только что родившуюся в ее мозгу строчку: «Муха, муха, муха, ха, в кухне к уху, мухахаха». Так родился ее первый сборник «Мухаха!», который потом вышел в издательстве «Красный гвоздь и К». Случилось это восьмого марта две тысячи первого года. Благодаря букетику мимоз Ольга очень хорошо запомнила эту дату. А подарил ей его Лёва Пельтцер, который в то время, где-то с января по май, был ее гражданским мужем. Так что

Ольга считала теперь Лёву еще и своим поэтическим крестным отцом. К этому моменту у Ольги были уже две дочери-ученицы шестого и седьмого класса, Глаша и Лана, которых она опасалась оставлять дома одних с Левой, из-за чего вынуждена была постоянно отпрашиваться с работы. Ольга продавала шаверму в киоске на Сенной. И в конце концов ее оттуда уволили. В результате в какой-то момент у них совсем кончились деньги, и они с Лёвой расстались. Ольга ужасно переживала, так как Лёва безумно ее любил. Сам он, кажется, вообще никогда нигде не работал.

Ольга родилась на углу Тамбовской и Расстанной. Из окна их коммуналки на пятом этаже было хорошо видно Волковское кладбище. Летом, правда, кладбище сверху мало отличалось от обычного парка и представляло собой сплошное сплетение зеленых крон, зато поздней осенью и зимой, когда листва опадала, вполне можно было разглядеть очертания наиболее крупных могильных плит, крестов, звезд и склепов. Поэтому Ольга уже в детстве поняла, как устроен этот мир. Сверху все гладко и хорошо, а когда пелена спадет, то вполне может оказаться, что тебя поджидают весьма неприятные сюрпризы.

Мама Ольги, Ошанина Галина Игоревна, всю жизнь проработала на фабрике «Красный треугольник». Начинала она простой намотчицей, но потом дослужилась до начальника цехового ОТК. А вот отец, Ошанин Глеб Поликарпович, наоборот, работал главным инженером на той же фабрике, а закончил грузчиком на Варшавском вокзале. После сорока он стал сильно пить. Отец Ольги был чрезвычайно тонким и интеллигентным человеком, интересовался историей, читал Пикуля и Ключевского, а директор фабрики часто не понимал, о чем он говорит на производственных летучках, просто, вообще, ни слова. Это и

послужило причиной. Прабабка, Крутикова Элеонора Юрьевна, преподавала в церковно-приходской школе, носила роскошные рыжие парики, увлекалась пением и даже пробовала себя в оперетте города Тулы. У Ольги сохранилось ее фото, датированное 1912-м годом, где она в длинном платье с рюшками стоит, облокотившись на огромную античную вазу. Однако самую глубокую мистическую связь Ольга ощущала со своей прабабкой, Александрой Леонидовной Ошаниной. Она была незаконнорожденной дочерью дьякона Спасо-Преображенского собора, вопреки воле отца стала последовательницей Блаватской, устраивала спиритические сеансы и обзавелась в Петербурге обширной клиентурой, которую сумела сохранить после революции. Многие члены партии тайком приходили к ней за предсказаниями и советами. Она запросто могла вызвать из небытия дух Ленина, Свердлова или Распутина, чтобы те поделились с живущими своим мнением о сложившейся в стране и мире ситуации. Ольга чувствовала, что в какой-то мере эти сверхъестественные способности передались и ей. В частности, она прекрасно разбиралась в человеческой психологии, ей достаточно было всего несколько минут с кем-нибудь поговорить, чтобы понять, что тот или иной человек из себя представляет, узнать буквально все, что у него на душе. Другим, не менее выдающимся представителем рода Ошаниных, был дядя Яша, который, будучи физиком по образованию, провел в Антарктиде около шести месяцев в качестве полярника. У него дома все прищепки для белья были сделаны из настоящих пингвиных клювов. Во время зимовки они с товарищами подкрадывались к пингвинам сзади и набрасывали им на голову мешок, мясо съедали, а клювы дядя забирал себе, так как ему было жалко их выкидывать.

В детстве Оля посещала кружок кройки и шитья при ДК Железнодорожников, который находился всего в нескольких

кварталах от ее дома. Приобретенные там навыки оченьгодились ей в будущем, когда она решила окончательно посвятить себя искусству. Столь же значительное влияние на становление ее творческой личности оказала учительница рисования, Алина Зурабовна. Ольга всегда жалела, что рисование в школе преподают только до восьмого класса. Из других предметов ей больше всего нравились химия и география. Однако в шестнадцать лет ей очень захотелось стать дипломатом. По телевизору тогда показали художественный фильм «Посол Советского Союза» про Александру Коллонтай, который ей страшно понравился. Она даже тайком от родителей села на поезд и поехала в Москву, чтобы подать документы в МГИМО. Там в деканате крайне удивились, когда узнали, что абитуриентка закончила всего девять классов и вместо аттестата протягивает им дневник с годовыми оценками. Однако неординарность поведения юной девушки из простой семьи, отважившейся на поступление в ВУЗ, где в основном учились дети партийных бонз, произвела на членов приемной комиссии неизгладимое впечатление. Возглавлявший ее Герман Боровик не смог сдержать своих чувств и воскликнул: «Непременно приезжайте, но только через год, когда получите аттестат! Нам очень нужны личности, способные на нестандартные мысли и поступки».

Тем не менее, через год Ольга в Москву не поехала, а поступила в институт Культуры, на отделение массовиков-затейников. Название института отвечало ее внутренней потребности неуклонно повышать свой культурный уровень. Правда, институт она не закончила, так как на четвертом курсе ее вдруг понесло совсем в другую сторону. Просто в ней тогда будто что-то надломилось, какой-то тонкий механизм внутри нее дал сбой, скорее всего, она так и не смогла до конца простить себе, что изменила своему призванию и не стала дипломатом. Сначала она

устроилась буфетчицей на круизный теплоход в надежде со временем перебраться на судно, плавающее за границу, но там была нужна виза, а ей ее вряд ли бы дали, затем была кассиром в продовольственном магазине, бухгалтером, няней в яслях, уборщицей в бане, вахтершей в закрытом НИИ, ночным сторожем в булочной, приемщицей заказов в часовой мастерской, почтальоном, кладовщицей, курьером, домоуправом, завхозом, намотчицей пружин для матрасов, маляром, мойщицей окон, полотером, расклейщицей объявлений о найме квартир, диспетчером в таксопарке, лифтером, дворником, продавщицей детских колясок, тамадой, проводницей в поезде «Ленинград-Мурманск», ответственной за телевизор в красном уголке, страховым агентом, садовником, контролером в электричке, санитаркой в зубной поликлинике, гардеробщицей в столовой, разрыхлительницей земли на грядках в садоводческом товариществе «Звездочка», приемщицей стеклотары, вожатой в пионерлагере, администратором на кладбище, кондуктором. Короче, оказалась в кругу людей, далеких от культуры. По этой причине она обычно не задерживалась ни на одной из работ больше месяца.

Тут началась Перестройка. Ольга сразу же прониклась идеями свободы и демократии, с головой окунулась в политику, старалась не пропускать ни одного более-менее примечательного митинга и собрания, вступила в «Свободный союз свободных граждан», но была неприятно поражена жесткой иерархией внутри него и диктаторскими замашками его лидера Чупика, примкнула к левому крылу «Диктатуры разума» и состояла там вплоть до ее распада, когда возглавлявшая движение Фаина Блох сошла с ума и повесилась, помогала помощнику депутата Сенькина, пока не узнала, что он помогает еще и Лебедевой с Шер, раздавала листовки возле метро, протестовала против разрушения

«Англетера», хранившего память великого поэта, в августе 91-го две ночи провела возле Мариинского дворца, неделю потом голова трещала, подписалась на множество журналов и газет, за которыми ей приходилось спускаться к почтовому ящику по два, а то и три раза в день, но в какой-то момент вдруг почувствовала резкий упадок сил. Политика совершенно перестала ее интересовать. И она вместе со своей подругой Региной Дубочан решила заняться пошивом мужских носок.

В принципе, они просто покупали носки в магазине, чтобы потом пришить к ним сверху по кругу тонкую красную тесьму. Такие носки пользовались бешеной популярностью у наиболее продвинутых мужчин Петербурга, среди которых считалось высшим шиком, сидя где-нибудь у барной стойки, слегка приподнять одну из штанин, и тогда по этой красной полосочке все понимали, что на них носки от Ошаниной- Дубочан. Продавать такие носки, естественно, можно было в пять-шесть раз дороже их первоначальной цены. Однако денег на жизнь Ольге все равно катастрофически не хватало, и надо было срочно еще что-то предпринимать. Она уже несколько лет жила одна с двумя маленькими девочками на руках.

Однажды бабушка поэта Ефима Легата подарила ей плетеную корзинку с клубками ниток разных цветов. Из этих клубков Ольга и составила свою первую монументально-ниточную композицию «В ожидании Рождества». На огромном трехметровом листе ватмана располагалось множество незаметно пришитых к нему снеговиков, составленных из белых клубков разных форматов. Кроме того, Ольга синей акварелью обозначила на ватмане разводы, имитирующие сугробы и лед. По краям же она пририсовала множество крошечных елочек, образовавших своеобразный орнамент и придавших всей композиции законченный вид. Работу

тут же приобрел состоятельный копт из Египта. С тех пор Ольга создала еще более ста композиций из ватмана и клубков ниток, которые разошлись по коллекциям Европы, Юго-Восточной Азии, Израиля и Новой Зеландии. Позднее, помимо клубков, она стала использовать еще и катушки. Ее проект катушечно-клубкового Петра Первого, воссоздающий монумент Медного Всадника в полную величину, попал в число финалистов, претендующих на грант фонда Сороса, однако так и остался не реализован из-за проблем с родителями, не пожелавших уступить под него площадку, где обычно прогуливались дети младшей группы детского сада. Огромное количество клубков и катушек были безжалостно втоптаны в грязь и оказались непригодны для дальнейшего использования. Концепцию этого проекта практически полностью Ольге написал ее муж по паспорту Гевара Рубинов, с которым она уже давно рассталась, хотя и продолжала поддерживать дружеские отношения.

Гевара был на четыре года младше Ольги, тем не менее, предпочитал, чтобы к нему обращались исключительно по имени отчеству: Гевара Либкнехтович. Отец Гевары, Либкнехт Петрович Рубинов, в молодости был без ума от романтически настроенных революционеров романских стран, поэтому назвал своих детей: Фидель, Гевара и Пассионария. В то время как дед, Петр Петрович, отдавал предпочтение прагматизму и железной дисциплине немецких социал-демократов, а под конец жизни и вовсе скатился в ревизионизм. Вторжение советских войск в Чехословакию в мае 68-го года заставило отца Гевары серьезно усомниться в перспективах построения общества всеобщего равенства и братства. Больше всего его поразило услышанное по «Голосу Америки» интервью очевидца, который рассказывал о том, как советский танк подмял под себя детскую коляску с тройняшками, чьи «крошечные головки трещали под гусеницами, совсем как

грецкие орехи». Пережив глубочайшее разочарование в идеалах революции, Либкнехт Петрович мстительно готовился назвать своего следующего ребенка Деместром, Монтерланом, Лярошелем, Петеном, Мессалиной, Эвитой, Франко, Людовиком или даже Дуче, но, к несчастью, выяснилось, что детей у его горячо любимой супруги больше не будет. В результате, все негативные последствия отцовского разочарования обрушились на головы детей, что сделало их существование в отцовском доме абсолютно невыносимым. Правда, Фидель и Пассионария были уже достаточно самостоятельными и проводили большую часть времени с друзьями. А вот Геваре приходилось постоянно находиться с отцом. Летом, когда вся семья выехала за город, отец несколько раз заводил четырехлетнего малыша далеко в лес, предлагая ему самостоятельно выбираться из «боливийских джунглей». К счастью, мальчика подбирали соседи по даче. Наконец, Либкнехт Петрович где-то раздобыл охотничье ружье и за ужином торжественно объявил, что завтра они с сыном будут играть в американских рейнджеров. После чего бабушка все-таки вызвала «скорую». Пройдя курс лечения в больнице Скворцова-Степанова, Либкнехт Петрович утратил интерес к окружающим, включая детей, и проводил дни напролет, неподвижно сидя на стуле лицом к стене. Он много лет преподавал зарубежную литературу в институте им. Герцена, но оттуда его тоже вскоре уволили. Таким Гевара и запомнил своего отца: сосредоточенным и тихим.

Через несколько лет после его смерти к ним в дом стали периодически заходить западные журналисты, которых интересовали подробности жизни знаменитого диссидента, некогда отважившегося в одиночку выйти на Дворцовую площадь с требованием вывести советские войска из Чехословакии и в результате ставшего жертвой карательной психиатрии. По просьбе

пожилой дамы, на ломаном русском назвавшейся корреспонденткой Би-Би-Си, Гевара занялся разбором отцовских архивов и почти сразу же натолкнулся на увесистую папку, вобравшую в себя не менее двухсот машинописных страниц, перемежавшихся многочисленными схемами и рисунками. К папке была приклеена аккуратная бумажка с надписью «Таинственные корни бытия». Чуть позже Гевара обнаружил еще три папки с таким названием, на каждой из которых сверху стоял нарисованный черным фломастером порядковый номер. Папка под номером четыре, правда, оказалась примерно в два раза тоньше предыдущих, из чего следовало, что отцовский труд, вероятно, так и остался незаконченным. Гевара это сразу почувствовал, поскольку остальные бумаги отца были методично рассортированы по темам и разложены в строго одинакового размера папки и стопки. Углубившись в первую часть «Таинственных корней», Гевара вскоре понял, что имеет дело с совершенно невероятным по охвату исследованием, которому отец посвятил не год и не два, а несколько десятилетий своей жизни. Как жаль, что его фундаментальная работа так и осталась неопубликованной! Но такова, увы, была судьба практически всех гениальных сочинений в эпоху, когда отсутствовали гласность и свобода слова. Отец был вынужден держать плоды своих многолетних размышлений в тайне даже от самых близких родственников и друзей. Гевара никогда от него ничего не слышал ни про какие корни.

Яблоко, свалившееся на голову Ньютону, помогло тому открыть закон всемирного тяготения, а у отца Гевары все началось с банальной моркови, которую он как-то летом откопал у себя на даче. Глядя на нее, он тогда почему-то с грустью подумал, что и он тоже точно так же одинок, как и она: нет у него ни братика, ни сестренки, с которыми он мог бы в трудную минуту поделиться своими горестями и проблемами. И в тот же момент его буквально

осенило! Сгорая от нетерпения, он бросился к грядке рядом с забором и прямо руками вырыл первую попавшуюся морковь. Точно! На стебле оказалось два корнеплода, но ведь и детей у владельцев соседнего участка было тоже двое. Либкнехт Петрович подбежал к ограде напротив, залез в теплицу и схватился за стебель с огурцами: корень имел три ответвления, что полностью соответствовало количеству отпрысков в семействе напротив. Уже более спокойным и уверенным шагом он направился к другому забору. У корней всех растущих там растений было по два ответвления. Так он и думал! У соседа справа было двое детей, мальчик и девочка. Все окончательно совпало. Правда, чуть ближе к углам участка то и дело попадались корни, которые не соответствовали количеству детей ни в одном из живущих вокруг семейств. Но в этом тоже не было ничего удивительного. Просто разные биополя там накладывались друг на друга, что и приводило к непредвиденным результатам. Исключения в данном случае только подтверждали правило. И вот так, шаг за шагом, продвигаясь ко все более и более масштабным фактам и явлениям, от частного к общему, так сказать, отец Гевары сумел обнаружить абсолютное сходство между генеалогическим древом династии Романовых и корневой системой берез, которые, как теперь стало понятно, вовсе не случайно символизируют собой Россию. Родословная князей Юсуповых полностью соответствует корням ели, тайна рождения и гибели Ленина отражена в корнях тополя, Брежнев оказался продублирован ольхой, а Гагарин – одуванчиком. Цицерон, Гегель, академик Павлов, Чингисхан, Гитлер, Хэмингуэй, Наполеон, Чарли Чаплин и Черчилль – все имели в исследовании Либкнехта Петровича свой растительно-корневой аналог. Каждый факт был проиллюстрирован графическими изображениями. Заключительную часть исследования, которое действительно оказалось незаконченным, отец Гевары посвятил предполагаемым

практическим применением своего открытия. В частности, исходя из продолжительности жизни того или иного растения, теперь можно было запросто рассчитать срок жизни людей, в том числе и тех, что еще не родились и должны были появиться на свет через несколько поколений. Не говоря уже о таких мелочах, как преждевременное облысение, которое целиком и полностью совпадало с ранним опаданием листвы на соответствующих деревьях или же кустах. Именно на этом месте, кстати, труд Либкнехта Петровича обрывался. Ознакомившись с ним, Гевара Либкнехтович был потрясен. Ему стало ужасно обидно, что отец так и не сумел завершить свое масштабное исследование и почти наверняка не успел сказать самого главного. Однако и сделанного им оказалось достаточно, чтобы Гевара смог взглянуть на многие вещи совершенно по-новому. Например, он часто ездил в университет на 45-м автобусе, но как-то даже и не подозревал, что его маршрут, со всеми этими поворотами направо, налево, практически полностью совпадает с перипетиями жизни Иова, описание которой как раз и начинается с 45-ой страницы имеющегося у него экземпляра Библии, адаптированного для детей младшего возраста. Разве это не удивительно? Раньше бы он до такого ни за что не додумался.

Перед Геварой как будто открылся совершенно новый мир, полный чудесных совпадений, о которых большинство людей совершенно не догадываются. Отпечаток подошвы его левого ботинка повторял звездное небо в районе Большой Медведицы, срез яблока под лупой дублировал карту Европы, тень торшера на полу недвусмысленно напоминала Альпы, а кофейная гуща на дне чашки вполне могла бы в случае необходимости заменить микросхему его старого телевизора «Горизонт». Такие открытия теперь попадались Геваре буквально на каждом шагу. А сколько было еще феноменов, смысл которых оставался для него неясным.

Вот этот узор на обоях, к примеру. Что-то он ему определенно напоминал. Но что? Этого он пока так и не понял. И фактически каждое из подобных явлений давало колоссальную пищу для размышлений и дальнейших исследований. Кроме того, его отец, безусловно, проделал огромную работу, и его по праву можно назвать первооткрывателем в данной сфере, но все-таки он был гуманистом, преподавал литературу, а Гевара, как-никак, учился на третьем курсе физфака. Поэтому ему было вполне по силам придать всем этим разрозненным фактам строгую научную форму, а, может быть, даже и вывести конечную формулу бытия. Не исключено, что он к ней сейчас вплотную приблизился. Всем известно, что единица, поделенная на бесконечность, будет равняться нулю, точно так же, как и двойка или же любое другое число. Однако никто почему-то до сих пор не догадался, что единица при делении на бесконечность далеко не то же самое, что двойка. Просто при делении на бесконечность разница между этими двумя числами бесконечно ускользает от восприятия. Тем не менее, между ними все же присутствует некоторое различие, которое можно определить через введение специального дифференциала. Вот в рамках этого дифференциала и следует проводить все расчеты в сфере ускользающих от большинства людей совпадений, поскольку для них они невидимы, то есть, по сути, также равны нулю. Это было просто, как все гениальное.

Гевара с головой погрузился в исследования отца. И через некоторое время количество доставшихся ему по наследству папок удвоилось. Правда, теперь их общий труд стал называться: «Таинственные корни бытия. Дифференциал бесконечности», - а новые папки заполнились страницами, сплошь покрытыми математическими расчетами, формулами и сложнейшими графиками. Университет он окончательно забросил и все время

проводил за письменным столом, причем не только днем, но и ночью.

Ольга с трепетом наблюдала за новым увлечением своего мужа, так как нисколько не сомневалась в его гениальности, однако кое-что в его поведении внушало ей некоторые опасения. Он ведь уже несколько месяцев совсем не спал, во всяком случае, она этого никогда не видела. Между тем, денег, которые им давали родители, едва хватало на самое необходимое, а ее маленькие дочурки постоянно просили есть. Но когда Ольга попыталась заговорить с Геварой о том, где брать деньги, поскольку раньше у него была хотя бы стипендия, а теперь не стало и ее, он вдруг резко вскочил и заорал, что она сбивает его с мысли, едва не опрокинув при этом заваленный бумагами стол. После чего сел, погрузился в вычисления и как будто опять полностью забыл об окружающих. Ольга не стала его больше беспокоить, а просто забрала девочек и уехала к маме. Когда она собирала вещи, Гевара даже не шелохнулся.

Развод Ольга решила не оформлять, так как опасалась лишний раз отрывать своего мужа от поглотившей его научной работы. Да и кому, в сущности, мешает этот штамп в паспорте? А Геваре все-таки пришлось отвлечься от своих изысканий. Вскоре после того, как его отчислили из университета, его пригласили в военкомат и забрали в армию. Он этого совершенно не ожидал.

Ольга всегда помнила, что она мать двух девочек и должна ими заниматься, чтобы они выросли достойными представительницами их рода. Отец Ланы с отличием закончил фармацевтический институт и несколько лет работал заведующим аптеки. А потом его вдруг арестовали. Ольга не могла понять, за что. Он ведь просто хотел помогать людям, не мог видеть их

страданий и продавал им таблетки от боли. Однако имени своего первого гражданского мужа Ольга все равно предпочитала не называть. Он, кстати, увлекался йогой и почти все время, когда возвращался домой с работы, стоял на голове.

Зато у младшенькой, Глаши, было сразу два папы. По крайней мере, до тех пор, пока ей не исполнилось два годика. Так получилось, что какое-то время Ольга встречалась сразу с двумя молодыми людьми, которые еще учились в институте, а когда поняла, что беременна, то никак не могла выбрать, кого из них назвать отцом своего будущего ребенка. Сразу она никому ничего не сказала, а после рождения Глашеньки решила еще чуть-чуть подождать, прежде чем сделать окончательный выбор. И только, когда Андрей Литвиненко закончил ВУЗ, открыл собственный кооператив, приобрел БМВ, она пришла к нему и призналась, что у них есть дочка. Он, само собой, ужасно обрадовался. Но, к несчастью, примерно через год его дела пошли под откос, он задолжал крупную сумму, и однажды утром его бездыханное тело со следами утюга на спине обнаружили прямо в офисе его фирмы по продаже сантехники. Уж лучше бы она назвала отцом Глашеньки Андрея Блинова, который, хоть и работал программистом, но имел вполне стабильный доход и сейчас подкидывал бы ей на дочку хоть какие-то бабки. Но не идти же, в самом деле, после всего случившегося к нему: «Извини, Андрей, ты отец Глаши, я перепутала». Это было глупо, да и вряд ли бы он поверил, переиграть ничего было уже нельзя. Поезд ушел.

А самым первым увлечением Ольги был Гоша Куренной, который дружил с Кузей Лопатиным, который, в свою очередь, жил на одной лестничной площадке с учителем физкультуры будущего президента Дмитрия Медведева. Были еще Петя, Вася, Гена, опять

Петя, Леха и Петр Викторович, завхоз института, где Ольга какое-то время работала вахтером. На Петя ей вообще везло.

Поэтический сборник Ольги «Мухаха!» остался практически незамеченным, зато второй - «Еще раз мухаха!» - привлек к себе всеобщее внимание. Ольгу это слегка смутило, так как между двумя книгами, за исключением нескольких исправленных орфографических ошибок, не было никакой разницы. Сначала она так и хотела написать на титуле, что данное издание является вторым и исправленным, но потом решила обозначить это прямо в названии. Тем не менее, Ольга была довольна, поскольку наконец-то по-настоящему погрузилась в культурную среду. Все ее поздравляли. Вокруг только про нее и говорили. Критик Гектор Оглоблин при личной встрече не мог скрыть своего удивления, почему автор двух замечательных книг до сих пор не является членом Союза Писателей, хотя дать ей рекомендацию категорически отказался, заявив, что тогда ее вообще больше никуда не примут. Настолько много у него было врагов, и так его все ненавидели за прямоту и принципиальность.

Поэт Геннадий Гогуа подарил ей свой носовой платок.

Однако настоящую известность Ольге принес роман «Вечеринка на хуторе вблизи», выдержанный в сатирическом ключе. Действие там происходило неподалеку от дома писателей в Комарово. Хлебников ходил с буханкой хлеба, Цветаева - с цветами, Блок торговал блоками сигарет, а Маяковский размахивал красным флагом на маяке. Иллюстрации к роману сделали ее подруги по художественному объединению «Перерафаэленные прерафаэлиты» Регина Дубочан и Изабелла Анфини. Московские поэты Авдей Раскольников и Сева Нижегородов из лирико-эпической перфоманс-арт-группы «Квазимодные квазимоды» были счастливы принять ее в свои

ряды. Сева так и написал ей «по мылу»: «Теперь ты стала прерафаэленной прерафаэлиткой квазимодной квазимодой, гы-гы».

С «квазимодами» Ольгу познакомила Изабелла Анфини. Папа Беллы, Соломон Моисеевич Кац, был профессором химии и еще в семидесятые поехал на конференцию в Брюссель, откуда так и не вернулся. Как только началась Перестройка, Белла сразу же отправилась к нему. Но к тому времени ее отец уже успел обзавестись там семьей и многочисленным потомством. Папаша, конечно, был рад видеть свою «белочку», но его новая жена оказалась настоящей мегерой и не желала, чтобы какие-то дармоеды из России объедали ее драгоценных чад. В результате, Белла ушла от отца и поселилась в сквоте с художниками. Средств к существованию у нее не было, так что приходилось есть то, что приносили другие. А это было крайне унижительным, она к такому не привыкла. Ее приятель Бернар однажды вошел в положение и предложил ей немного подзаработать «в качестве жрицы любви», как он выразился. Он, конечно, не настаивал, а просто хотел, чтобы она с ним поехала и посмотрела, совершила для начала что-то вроде небольшой экскурсии в таинственный и загадочный мир порока, ну, она же видела «Дневную красавицу», это ведь так романтично. Белла согласилась, но только на экскурсию. Конечно, она сильно рисковала. Но как только они приехали в какую-то грязную гостиницу недалеко от вокзала, к ним навстречу вышел жирный тип с усиками, очень похожий на турка. Едва взглянув на Беллу, он отвел Бернара в глубину коридора и стал ему что-то на повышенных тонах объяснять, энергично размахивая руками, совсем как обитатели восточного города, куда приплыл теплоход с Мироновым и Никулиным в фильме «Бриллиантовая рука». Короче, экскурсия не состоялась, так как Белла этому турку не понравилась, и он предъявлял Бернару претензии, что тот ему с

этим чучелом распугает всех клиентов. Причем говорил он это достаточно громко, нисколько не смущаясь, что она стояла недалеко и все прекрасно слышала. А внешность у нее действительно была не ахти: ростом меньше Ольги, врожденная сутулость, огромный крючковатый нос, низкий лоб, скошенный подбородок, близко посаженные выпученные глаза, плюс к тридцати пяти у нее стали отчетливо пробиваться предательские усы, неприятные последствия полостной операции по удалению придатков. Так что, вернувшись на родину, по этим параметрам она сразу подошла «квазимодам». К тому же, Белла сочиняла стихи и исполняла их под гитару в жанре городского романса, то есть вполне могла называться поэтом. Все очень удачно совпало. «Квазимоды» ведь вовсе не случайно придумали такое название для своей поэтической арт-группы. Все знают, что лучший способ скрыть какой-нибудь недостаток – это выставить его напоказ. Тогда зачем им всю жизнь комплексовать по поводу своей внешности? Сева предложил, а Авдей посмотрел в зеркало и сразу с ним согласился. Лицом и фигурой они не вышли, однако не ленились ездить в Лужники и одевались всегда квазимодно.

Со своими усами и носом Белла уже давно смирилась, но у нее были проблемы со слухом, и голос не то чтобы вовсе отсутствовал, а был каким-то чересчур скрипучим, не особенно приятным, некоторые жаловались, и вот этого она в душе немного стеснялась. Но теперь все это стало частью их общей эстетики, поэтому она считала, что ее творческий союз с «квазимодами» оказался весьма плодотворным, придал ей уверенности в себе и позволил окончательно сформироваться как художнику и поэту. Важно также, что «квазимоды» были православными, так как Беллу совершенно не устраивали нравы, царящие в современном искусстве.

Вообще-то по паспорту у Беллы была фамилия, как у матери, Беленькая, а Анфини она решила себя назвать после пребывания в Бельгии. Сначала она даже хотела взять себе сценическое имя «Дневная красавица», раз уж ей довелось побывать в настоящем публичном доме, но потом подумала, что в ее случае такой псевдоним слишком у многих будет вызывать ироничные улыбки, и стала Изабеллой Анфини. Звучит неплохо и отражает безграничность ее натуры. Для афиш так и вовсе отлично: «Изабелла Анфини. Поющая в темноте. Песни и романсы для заблудших душ», -- гораздо лучше, чем какая-то Беленькая. Однажды, когда она еще только начинала и пела в квартире у знакомых, в доме погас свет, но она продолжила свое выступление. Получилось очень романтично: голос одинокой, потерявшейся в потемках бытия женщины взволнованно взывал к присутствующим. После этого она решила всегда выступать на затемненных сценах: ее никто не видит, да и организаторы концертов довольны, так как экономят на электричестве. Эта находка также позволила Белле реализовать свою давнюю мечту – стать художницей. Она начала заполнять полотна темными пятнами, чтобы на них больше ничего невозможно было разглядеть, и таким образом окончательно сделала темноту своим стилем. Теперь можно было всем говорить, что сначала на картине было нарисовано нечто невероятное, просто гениальное по выразительности и мастерству исполнения, а затем все погрузилось во мрак. Какая уж тут Дневная красавица? Или даже Беленькая? Хорошо, что она вовремя сориентировалась и взяла себе правильное имя. Но тот опыт с экскурсией в мир порока все равно оказался ей полезен. Отныне она все свои биографии для портфолио начинала с того, что «во время пребывания в Западной Европе некоторое время работала девушкой по вызову, обслуживая состоятельных клиентов». Для человека искусства

чрезвычайно важно, чтобы его жизнь была отмечена каким-нибудь необычным фактом, иначе его произведения будут никому не интересны.

Роман Ольги «Ловля бабочек», ставший продолжением «Вечеринки на хуторе», поначалу успеха не имел и, возможно, остался бы не понятым широкой публикой, если бы не Гектор Оглоблин, которому так понравилось название, что он похвалил его в газете. Про Ольгу стали писать в СМИ.

Выпускник режиссерского отделения Театрального института Глеб Сидлин осуществил постановку «Ловли бабочек» на сцене в качестве своей дипломной работы. Главную и единственную роль в его спектакле исполнила сама Ольга. Глеб сразу же отметил ее незаурядные актерские способности и предложил поехать вместе с его только что созданным театром на гастроли в Сибирь. В его ближайших планах был «Гамлет», где в роли Офелии он видел только Ольгу и никого другого, поскольку больше никто не способен был столь же достоверно передать все оттенки душевных переживаний личности, впавшей в невменяемое состояние. Еще бы ей скинуть несколько кило, хотя Глеб всегда был открыт для экспериментов. И Офелия весом девяносто восемь килограмм при росте сто шестьдесят семь – это как раз то, что нужно, чтобы разрушить привычные обывательские стереотипы. Правда, билеты на поезд до Новосибирска Ольга должна была купить за собственные деньги, а их у нее как назло не оказалось. Гамлет намеревался присоединиться к ним уже в Новосибирске, где постоянно проживал, и Глеб уже предварительно списался с ним в чате. А больше им никто был не нужен: Глеб хотел сделать историю двух одиноких сердец, Гамлета и Офелии. Какой-то тип в очках, который после премьеры «Бабочек» пробрался к Ольге за

кулисы и представился доктором, предложил ей поехать с ним в баню и сделать массаж за двести долларов. Ольга сначала обрадовалась, но потом выяснилось, что эту сумму он сам хотел получить с нее за работу. С мечтой о театре ей пришлось распрощаться.

Зато Вася по прозвищу Гиппопотам рекомендовал ее на радио «Вертикаль FM», где работал ди-джем. Он был на спектакле, и ему очень приглянулась ее манера слегка проглатывать слова, как у обычных людей с улицы. Слушатели устали от однообразных интонаций профессиональных дикторов, и их новый генеральный директор как раз подбирал себе команду. Он планировал приблизить радио к народу, сделав его предельно доступным и понятным простым людям. Для начала Ольге поручили вести шестиминутный дайджест из жизни отечественных и западных звезд кино и шоу-бизнеса «Вертикальные параллели». Но Ольга сразу сосредоточилась на тех, кто жил за границей. С нашими соотечественниками лучше не связываться, скажешь что-нибудь не то, а они или же их знакомые услышат, и могут быть неприятности. Директор в отборе информации для эфира полностью полагался на своих сотрудников, которые должны были говорить о том, что волновало их самих. Поэтому она покупала по дороге в студию газету подешевле и зачитывала оттуда что-нибудь необычное, будоражащее воображение простых людей: «Ванона Райдер похитила в супермаркете колготки и трусы на сумму шестьдесят долларов», «Нью-Йоркская полиция задержала Абея Феррару на выходе из ночного клуба с двумя граммами кокаина в кармане», «Майкл Джексон подумывает о том, чтобы купить замок в Польше и открыть там парк аттракционов», «Лукреция Борджиа изменила своему мужу», «Джонни Депп купил себе револьвер, чтобы защищаться от сумасшедших, которые его окружают. Уж несколько лет его преследует маньяк, который считает, что он и

есть настоящий Эдвард с серебряными руками», «Алисия Флоррик обнаружила в тумбочке своего тринадцатилетнего сына два презерватива», «Филипп Старк предрекает конец материального. Люди будут сидеть на ультрафиолетовых лучах и ходить по люминисцентным полам», «Бред Питт мечтает стать космонавтом»... Кто такие все эти личности, чем конкретно занимаются, она особенно не заморачивалась. Порой у нее на это просто не хватало времени. В заключение она должна была говорить: «Дорогие друзья, может быть, вам все и параллельно, зато нам – вертикально!» Это был их фирменный стиль, который придумал Гиппопотам.

В Москве, куда Ольга несколько раз ездила по заданию редакции, она подарила свои книги Валерии, Резнику, Сюткину, Анфисе Чеховой, Зурабу Церетели, Бородиной и телеведущему Гордону. Продюсер Димы Маликова подвез ее до вокзала на собственной машине и признался, что когда прочитал «Ловлю бабочек», то отдохнул душой ото всей этой попсы вокруг так, будто на неделю съездил в Таиланд. Ее книга заменила ему в этом году отпуск и теперь стоит у него дома на самом видном месте. А у него бывают такие известные люди, как Алла Борисовна, Барри Алибасов, Игорь Крутой, Киркоров, Юджин, Дуб, Трубач, Валентин Юдашкин и Надежда Бабкина.

Зураб Церетели обещал возвести в ее честь двадцатиметровый монумент сразу же после того, как она получит Нобелевскую премию по литературе.

Певец Евгений Сикорский позвонил ей ночью по телефону и говорил целых два часа.

В феврале 2004 года Ольга создала поэтический цикл «Я фе Я», который собирались опубликовать в альманахе «Квазимир Малевича», издававшемся под эгидой «Квазимодных квазимод».

Но альманах так и не вышел. В последний момент типография, куда его отдали печатать, разорилась, а у Севы, когда он туда приехал, разрядился мобильник. Из-за чего он не смог связаться с Авдеем, чтобы договориться о другой типографии. Он плюнул и уехал. В результате уже готовый макет потерялся.

Белла устроила Ольге презентацию цикла в библиотеке при Французском институте. В зале присутствовала большая группа фермеров, приехавших в Петербург из Экс-ан-Прованса на открытие винного магазина. Почти никто из них не понимал по-русски, но чтение неоднократно прерывалось бурными овациями, и практически все французы подошли после к Ольге, чтобы засвидетельствовать ей свое восхищение. Такого они еще никогда не слышали. Писатель Достоевский-Гончаренко познакомил ее с английским хореографом Давидом Либерманом и итальянским кинопродюсером Гиви Квирикадзе, которые не знали ни русского, ни французского, но были потрясены реакцией публики на чтение ее стихов. Их знакомый немецкий издатель Степан Бородюк выразил готовность опубликовать сборник Ольгиных стихов, но у него не было хороших переводчиков с русского на немецкий. Договорились, что Гиви попросит своего друга-филолога перевести тексты на итальянский, потом жена Давида, Лора, переведет их на английский, ну а переводы с английского в издательстве Степана были уже давно поставлены на поток. Ольга передала стихи Достоевскому-Гончаренко, тот поехал в Италию и куда-то бесследно исчез. Никто не знал, куда он делся. Правда, такое с ним и раньше иногда случалось. Его настоящая фамилия была Гончаренко, а Достоевского он прибавил себе, когда жил во Франции, потому что это как-то само напрашивалось. Некоторое время он даже служил в иностранном легионе, но потом ему там так надоело, что однажды в карауле он опустился на четвереньки и начал громко лаять, а потом еще и укусил за ногу подошедшего

дежурного лейтенанта. Естественно, его сразу демобилизовали. В принципе, он мог бы и просто уволиться, но ему хотелось сделать это как можно быстрее.

Делом всей жизни Гончаренко стал роман «Клад», где на семистах страницах были представлены описанные во всех шокирующих деталях многочисленные попытки обнаружения бриллианта стоимостью в полтора миллиона долларов, которые жена русского банкира, бывшая фотомодель Люся, спасаясь от ФСБ, зашила себе во влагище и вывезла в Италию. В конце концов драгоценный камень достается агенту Интерпола по имени Джек Севенти, у которого оказался самый длинный член. К тому же, он был единственным, кто рискнул вступить в интимную связь с Люсей, не прибегая к помощи презерватива. Роман «Клад» в России не издавался и появился прямо на немецком, став первым за долгие годы переводом русского автора, вышедшим в издательстве Бородюка «Дюк Барбаросса». До него был только роман Толстого «Воскресение», опубликованный в 1927 году. Следующей должна была стать книга стихов Ольги. Степану всегда были симпатичны смелые и решительные люди вроде нее и Джека Севенти.

После выступления во Французском институте Ольгу стали приглашать с чтением стихов в самые разные места. Однако тот успех ей повторить так и не удалось. Она вообще заметила: чем больше в зале находилось наших соотечественников, тем более холодный и отчужденный ее ждал прием. Поневоле начнешь думать, что в России людей интересуют только жратва и тряпки, а поэзия никому не нужна. Достоевский-Гончаренко тоже так считал, поэтому и издал свой роман сразу по-немецки.

За несколько месяцев до своего исчезновения на вернисаже в галерее Т-34 он сцепился с художницей Журавушкой

(Журавлевой), которая напилась и стала прихлебываться к нему, что он содрал своего Севенти с Джеймса Бонда. Герой романа «Клад», как и Агент 007, тоже выкуривал ежедневно по семьдесят сигарет и постоянно делал себе коктейли «Водкатини», смешивая водку с двойным мартини, что, по ее мнению, должно было неизбежно сделать его точно таким же импотентом, как и сам Гончаренко. При этих словах она со всего размаху заехала ему правой рукой в левый глаз. И тут между ними вклинился какой-то коренастый тип, стараясь отделить их друг от друга собственным телом. Тогда они схватили его с двух сторон за уши и стали тянуть за них каждый в свою сторону. Ольга, конечно, видела один раз по телевизору, как жирная баба тащила за собой грузовик, привязав его к себе сзади за косичку, но вот так вблизи, чтобы две туши повисли у человека на ушах – ей казалось, что они ему их сейчас точно оторвут. К счастью, этого не произошло. Так Ольга познакомилась с Гомером Рогожкой. Она была в равной мере потрясена как его мужеством и стойкостью, так и крепостью его ушей. Еще больше она была удивлена тем, насколько он оказался знаменит, так как до этого момента никогда о нем ничего не слышала.

В 80-е, едва закончив школу, Гомер сразу же стал завсегдаем «квартирников» на Литейном, на которых собирались самые выдающиеся творцы современной культуры. Он прекрасно помнил тот дом, номер которого он сейчас уже затруднялся назвать, где Курехин обычно что-то непринужденно подбирал на рояле, Тимур Новиков, сидя на стуле в сторонке, делал у себя в блокноте наброски картин, БГ играл на гитаре, Майк лежал на топчане и задумчиво глядел в потолок, Цой пританцовывал, Пивоварова пела, некрореалисты монтировали фильмы, склеивая пленку клеем БФ, а совсем юный Африка качался на лошадке и стучал молоточком по утюгу. Именно так и родился знаменитый авангардный «утюгон». И Гомер Рогожка стал

свидетелем этого события. Неужели Ольга ни разу там не была? Гомер не мог в такое поверить. Значит, она пропустила самое главное в этой жизни.

Гомер держался и говорил очень уверенно. Когда Ольга его слушала, ей невольно становилось стыдно за свое чересчур размеренное обывательское существование. Плюс ко всему она с ужасом вспомнила, что ни разу так и не побывала в Сайгоне. Конечно, она много раз проходила мимо, встречала рядом уйму знакомых, которые приглашали ее выпить там чашку кофе, но она всегда отказывалась, поскольку из-за постоянной нехватки денег предпочитала готовить себе кофе дома сама. Она и представить себе тогда не могла, насколько это место является важным. И что теперь она сможет рассказать про себя своим девочкам, когда они окончательно повзрослеют? Их мама – художница, которая ни разу не была в «Сайгоне». Ольга старалась об этом даже не думать, отгоняла от себя такие жуткие мысли. В конце концов, может быть, все как-нибудь само образуется, и ей удастся перескочить через этот скользкий момент своей биографии. Вот Гомер Рогожка, например, так и не спросил ее об этом. Вероятно, ему и в голову столь фантастическое предположение не пришло, поскольку он считал ее человеком своего круга, иначе бы просто не стал с ней разговаривать.

Жизнь Гомера была полна самых невероятных событий. Он родился в селе Каяушка, располагавшемся на территории современного Приднестровья. И уже на следующий после его рождения день отец, отмечавший появление сына и не желавший ни на секунду с ним расставаться, отправился справлять нужду прямо с младенцем на руках, а вернулся назад уже без него и, как ни в чем не бывало, завалился спать. Обеспокоенные родственники и гости кинулись на улицу и почти час искали

новорожденного во дворе, сарае, туалете, заглядывали в колодец, на сеновал, пока не обнаружили малыша в хлеву, мирно посапывающим на навозе под боком у свиноматки среди сосущих молоко поросят. Существует масса примеров, когда свиньи сжирали маленьких детей, однако в данном случае они его не тронули. Скорее всего, это произошло потому, что, оказавшись рядом с огромной, в человеческий рост, свиньей Гомер сразу присосался ротиком к одному из ее сосков, и остальные свиньи приняли его за своего. Тетка Гомера, Софья Дартаньяновна Упряну, даже сочинила по этому поводу стишок: «Кто в младенчестве испил свиного молочка, тот вознесется в этой жизни за облачка». Ее слова оказались пророческими. Когда-то она вместе с отцом кочевала по молдавским степям, но потом резко сменила образ жизни, увлеклась поэзией и стала библиотекарем в сельской школе, сохранив при этом гипнотические способности и умение предсказывать будущее. Заходившие к ней за книгами и учебниками дети часто жаловались родителям, что тетя-библиотекарь навевает на них своими глазами сон. При этом гипноз действовал на окружающих даже через очки. Любовь к литературе и сверхъестественный дар, судя по всему, Гомер унаследовал именно от нее. В этом отношении Ольга находила в нем определенное сходство с собой, поскольку ей тоже частично передались от прабабки экстрасенсорные способности. В десять лет Гомер переехал с родителями в Ленинград, где жила его бабушка.

Своими способностями гипнотизера Гомер пользовался редко, только в самых крайних случаях. В частности, на выпускном экзамене, когда химичка хотела поставить ему «неуд», а он это почувствовал и пристально посмотрел ей в глаза, заставив ее руку вывести в ведомости тройку. Ну, и еще пару раз, когда милиционер собирался его оштрафовать за неправильный переход

улицы и когда пробирался без билета в «Октябрьский» на концерт Элтона Джона. А так, чтобы поддерживать себя в форме, он в основном ходил в зоопарк и тренировался на животных.

Посмотрит на тигра, и тот сразу начинает зевать и покорно ложится на бок. Обезьяны и белки сыпались на землю с веток, как яблоки в конце августа у них в Молдавии. Птицы так и вообще падали прямо на лету. Продемонстрировать свои способности на Ольге, несмотря на ее настойчивые просьбы, Гомер категорически отказался, так как не хотел, чтобы у нее после болела голова.

Приобретенные им в зоопарке навыки оченьгодились ему в 90-м, когда он открыл кооператив по гипнотическому избавлению домашних животных от вредных привычек. Типа когда собачка или котик гадили не там или же кусались, то хозяйева приносили их к нему, он на них пристально смотрел, и те становились как шелковые. Установленная им такса целиком зависела от продолжительности его гипнотического взгляда. Количество минут, которые он будет смотреть на объект, каждый выбирал для себя сам, Гомер в это не вмешивался. Если с первого раза ситуацию исправить не удавалось, то можно было обратиться второй и даже третий раз. В этом случае клиентам предоставлялась небольшая скидка. Если же и с пятой попытки все оставалось по-старому, то приходилось вынести неутешительный для данного пациента вердикт. Гомер был всегда со всеми предельно откровенен и не хотел никого вводить в заблуждение. Дела кооператива продвигались чрезвычайно успешно, все были довольны, но тут на него наехали бандиты из казанских, стали требовать бабки, а он как раз пожертвовал всю прибыль на реставрацию Сампсониевского собора на проспекте Карла Маркса, отдал буквально все до копейки. Когда он им об этом сказал, то они долго смеялись, а потом разжаловали его до уборщика туалета и на его место посадили какого-то чувака, который в этом деле

вообще не рубил и только пугал посетителей своими татуировками на волосатых руках. На левой у него был лев с открытой пастью, а на правой -- Пушкин с огромным пистолетом. И когда он эту руку поднимал, то Пушкин целился из него тебе прямо в лоб. Однажды ему принесли попугая, который прокусил своему хозяину руку до кости, чтобы отучить его от этой мерзкой привычки, так тот, увидев льва, упал в обморок и повис в своей клетке вниз головой, зацепившись ногами за жердочку. Пришлось везти его к ветеринару. Естественно, с такими кадрами предприятие долго не просуществовало. И хорошо, потому что мыть по утрам туалет ему уже надоело.

Но с казанскими они все равно расстались друзьями. На прощание они даже подвезли его до дома на шикарной иномарке. А он сбегал к себе на этаж и подарил им картину Крамского «Незнакомка», которая висела у него над диваном.

Своим поэтическим даром Гомеру тоже удалось воспользоваться всего один раз, когда они с Жекой Лепиком и Пинчуком выпустили сборник «Деревянные камни». Ему там целиком принадлежало одно стихотворение, а в остальные он добавлял отдельные строчки и слова. Что касается живописи, то рисовал он не очень, в школе у него с этим предметом были проблемы, зато его постоянно переполняли живописные идеи. И когда они с Жекой Лепиком, Саркисовым и Пинчуком создавали свое знаменитое полотно «Война миров», то он, главным образом, давал им всякие ценные указания: какие головы должны быть у инопланетян, какие руки - как у обезьян или как у роботов, на каких тарелках они прилетели. Есть же в театре художники-исполнители, которые воплощают волю главного художника. Единственная проблема – это найти хороших исполнителей, а у Лепика и Пинчука в школе с рисованием тоже были проблемы, но

они ему почему-то об этом сразу не сказали. Тем не менее, «Война миров» так понравилась известному коллекционеру Кире Цеткину, что он повесил ее у себя в будуаре над кроватью с шелковым розовым балдахином. Такой чести в то время удостаивались исключительно избранные. В 90-е Кира уехал в Штаты, прихватив с собой неплохую коллекцию живописи и фарфора. Непонятно, как ему все это удалось провезти через границу. Известно только, что сначала он вывез все в Латвию, и уже оттуда переправил в Америку. Там он, кстати, сделал операцию и взял себе имя Клэр, то есть стал Кларой Цеткин. Как говорится, нарочно не придумаешь.

Группа «Двери's», которую они создали с Саркисовым, Лепиком, Фимой Ревзиным и Ковальским, просуществовала всего три месяца. Ему хотелось играть рок, а Ревзин настаивал на панке, так они и не договорились. Ну и ладно. Все равно они даже инструменты не успели приобрести. Все-таки главным своим достоинством Гомер всегда считал обилие роящихся в его мозгу идей. Мало кто знает, но именно он в свое время посоветовал Боярскому никогда не снимать шляпу в общественных местах, когда заметил, что у того начинают редеть волосы. Просто, как все гениальное. То же самое он потом подсказал и Шемякину.

Из-за того, что его голова была забита всевозможными творческими проектами, Гомер постоянно попадал в совершенно дикие и абсурдные ситуации, какие Ольге и другим обычным людям, вероятно, даже не снились. Когда он еще учился в десятом классе, его бабушка, которая работала билетершей в кинотеатре «Прибой» на Васильевском, попросила его покормить рыбок в большом аквариуме в фойе, а он вместо корма по ошибке взял в ее шкафчике пакет с марганцовкой. Все рыбки подошли. Страшная картина. Он до сих пор не мог вспоминать ее без содрогания. Золотые, с красными, синими и зелеными чешуйками рыбки

плавают кверху белым брюхом на поверхности фиолетовой воды. Покруче, чем гибель «Титаника». Бабушку уволили. А буквально неделю назад он стоял на Невском, ждал троллейбус, представляя себе предстоящую встречу с апостолом Петром, как тот открывает перед ним ворота Рая, а он слегка отступает назад, пропуская его перед собой, и случайно толкнул спиной какую-то бабу, из-за чего она заскользила по льду и едва не угодила под машину. Жуть! Или когда они с Геной Кирпичом продавали на улице по двойной цене огурцы, купленные в соседнем гастрономе. Гена привез на тележке товар, а сам пошел обедать. К Гомеру сразу же выстроилась стометровая очередь, и все двести килограмм разлетелись за полчаса. А потом выяснилось, что он невнимательно слушал Гену и распродал огурцы в два раза дешевле, чем они стоили в магазине. В следующий раз им пришлось превысить цену втрое, чтобы выбраться из долговой ямы.

К протестантам Гомер относился скептически, однако не видел большой разницы между православием и католичеством. В конечном счете, и та и другая церковь были апостольскими. Все жители Каяушки, к примеру, были униатами. Поэтому он всегда носил с собой четки и, периодически доставая их из внутреннего кармана пиджака, начинал задумчиво перебирать. Эта картина действовала на Ольгу завораживающе. Неужели она наконец-то встретила человека, который постоянно задумывается о своих прегрешениях и бренности бытия? Как ей повезло! Лучик православной веры, который передался Ольге от прапрадеда, служившего дьяконом в Спасо-Преображенском соборе, никогда не угасал в ее душе.

Сразу после школы Гомер столкнулся с одной проблемой, о которой предпочитал особенно не распространяться. Дело в том,

что дома родители и бабушка всегда называли его ласково «Гомиком». Но его отец и мать были простыми строителями, и им и в голову не приходило задумываться над оттенками звучания данного слова. Скорее всего, они вообще не подозревали, что тут возможны какие-либо разночтения, как, впрочем, до какого-то момента не задумывался над этим и он сам. Но теперь, когда он стал общаться с интеллигентными людьми, с тем же Кириой, например, такая форма обращения его больше не устраивала. И как тогда его должны называть близкие знакомые? Ясно, что «Гомер» звучит чересчур высокопарно и для дружеского общения не подходит. Как тогда быть? Как выйти из этой тупиковой ситуации? Но не случайно же он имел репутацию генератора идей. Всего через неделю размышлений, он пришел к выводу, что наиболее предпочтительной интимно-доверительной формой обращения к нему будет: «Гомерик». И теперь, если он встречал кого-нибудь более-менее интеллигентного, утонченного, с приличными манерами, то представляясь, обязательно добавлял: «Можно просто: Гомерик». А со всяким быдлом или приезжая летом в Каяушку, он себе такой ерундой голову не забивал.

Когда Гомера забрали в армию, ему там совершенно не понравилось. Он думал, что армия предназначена для того, чтобы защищать Родину, учиться военному делу, стрелять, наконец, а там все было построено на выслуживании перед начальством. Необходимо было вытягиваться по струнке перед командирами и беспрекословно исполнять все их приказы. Скажут «равняйся» - поворачиваешь голову направо, скажут «вольно» - расслабляешься. Такое абсолютно не укладывалось в его голове, он никогда не думал, что в наше время подобное вообще возможно. Кроме того, раболепство перед вышестоящими находится в непримиримом противоречии с его жизненной философией, в основе которой лежат чувство собственного достоинства и свобода воли. С какой

стать он должен поворачивать по чьей-то указке налево, если ему хочется идти направо? Ему хватило двух недель службы, чтобы окончательно это осознать. Поэтому однажды, во время общего построения их роты, он неожиданно опустился на четвереньки и начал громко лаять. Эту историю «про лай» Ольга уже один раз слышала от Гевары, который на следующий же день после своего прибытия в часть поступил точно так же: встал на четвереньки и залаял. Правда, Гевара еще укусил за палец наклонившегося к нему старшину, после чего его отправили в «психушку». А в случае с Гомером события стали развиваться по несколько иному сценарию. Возможно, командир его роты был в курсе, что вставшие на четвереньки солдаты часто кусаются, а может, просто догадался, услышав лай, но он не стал никуда наклоняться, а подошел к Гомеру сзади и пнул его сапогом в зад. Однако он не учел, что кроме собак в этом мире существуют еще тигры, львы и медведи. Гомер вскочил на ноги и с рычанием кинулся на него, впившись мертвой хваткой зубами ему в шею. Несчастный капитан, лучше бы он просто наклонился. Наверное, он и сам потом об этом пожалел. Короче, Гомера все равно комиссовали. А психиатру он сказал, что в тот момент перевоплотился в тигра, которым был в прошлой жизни. Видимо, ему просто не удалось до конца родиться заново, такое иногда случается с недоношенными детьми. Рассказывая про армию, Гомер всякий раз невольно поглаживал себя по заду рукой.

Пребывание в психиатрической больнице ему первое время казалось довольно интересным. Много одухотворенных лиц, достаточно яркие индивидуальности с необычным взглядом на мир. Но потом как-то все тоже примелькалось и наскучило. Поэтому он решил дальше не изображать из себя сумасшедшего, перестал рычать -- а кусаться он уже и так давно прекратил, всех не перекусаешь -- и теперь, наоборот, стал всячески подражать тем, кто готовился к выписке: улыбался доктору, говорил медсестрам

«спасибо» после еды, вызывался помыть полы в туалете, то есть старался быть похожим на нормального человека. И в конечном счете это сработало: его отпустили домой. Этот опыт очень пригодился Гомеру в дальнейшем. Отныне, когда ему приедалась обычная жизнь, он начинал имитировать сумасшествие и отправлялся в дурдом, а когда надоедало там, изображал нормального и возвращался назад. Тут важно было не перепутать, так как и в обычной жизни многие ведут себя совершенно, как сумасшедшие. Иначе можно очутиться в таком лабиринте, из которого уже никогда не выберешься. По этой причине, попадая в какую-нибудь новую для себя среду, он сразу начинал присматриваться к тому, как ведут себя там большинство людей, старался перенять наиболее характерные их жесты, манеру говорить, начинал улыбаться, как они, заимствовал их слова и мысли. И такая методика обычно ему здорово помогала.

Ольге эта мысль показалась в высшей степени необычной, сама бы она до такого ни за что не додумалась. И когда Гомер спросил у нее, почему она в своей программе на радио говорит исключительно про зарубежных звезд, неужели ей совсем не интересны наши соотечественники, она впервые поймала себя на мысли: действительно, почему? Вот тот же Гомер, например. И пригласила его принять участие в ближайшей же передаче, рассказать немного о себе и своих выдающихся знакомых. Тем более, что, с одной стороны, он как звезда современного искусства представляет несомненный интерес для слушателей, а с другой, его ведь, наверняка, никто из их руководства не знает, и в этом смысле он является человеком с улицы, то есть идеально вписывается в концепцию их радиостанции. Гомер сразу же согласился. И в течение шести минут рассказывал про бабушку и рыбок. Все прошло отлично. Человек толпы поделился занимательным случаем из своей жизни, не подкопаешься. Сам Гомер тоже остался

доволен, теперь почитателей его таланта стало еще больше. Единственное, после этого он как-то резко изменился, перестал с Ольгой подолгу общаться, делиться воспоминаниями, при встрече едва здоровался. Более того, ей передали, а потом она и сама несколько раз его видела с помощницей продюсера 5-го канала Ребровой. И это ее ужасно травмировало. Ей бы хотелось, чтобы их отношения развивались по нарастающей.

Шерон Стоун выходит замуж уже третий раз, а они с Беллой вынуждены всю жизнь тащить детишек на собственном горбу. Белле хотя бы одного, а Ольге сразу двоих. У Регины их четверо, но зато у нее есть муж.

Регина Дубочан составляла мозаичные полотна из клочков использованной туалетной бумаги, побывавших в употреблении тампонов и презервативов. Никаких красок – только следы соприкосновения с человеческим телом. Важно, чтобы в создании произведений искусства помимо нее участвовала вся современная цивилизация, оставляя свои неповторимые и выразительные мазки. Поэтому большинство ее работ было выдержано в коричневато-серых тонах с ярко-красными вкраплениями. Самая известная из них, кстати, так и называлась: «Серо-буро-малиновое». Регина защитила диссертацию по деконструкции в западной философии и была помешана на идее аутентичности. Она не могла, к примеру, позволить себе пойти в аптеку и купить там новый презерватив, ей обязательно был нужен материал со следами жизни до зачатия. И только подлинный, то есть аутентичный. Поэтому она постоянно носила с собой специальный пакет и, зайдя в кабинку общественного туалета, первым делом вытряхивала в него содержимое мусорной корзины, которое потом дома тщательно разбирала, разложив на письменном столе. С презервативами, между прочим, в туалетах было сложнее всего,

порой ей не удавалось обнаружить их месяцами, но зато, когда она хотя бы один находила, то весь день пребывала в прекрасном настроении. По лестнице домой не взбегают, а взлетает, детишек с мужем расцелует и – к письменному столу, за работу. Из-за недостатка материала презервативы ей обычно приходилось максимально растягивать, дабы полностью заполнить пространство на полотне, но осторожно, чтобы не лопнули, и чтобы фактура следов употребления не утратила своих первоначальных аутентичных очертаний, это тоже было важно. А вот с использованными памперсами у нее долгое время проблем вообще не было, а потом, когда такие проблемы возникли, она от них просто отказалась. По яслям и детским поликлиникам ей таскаться не хотелось, в свое время она туда достаточно походила, с нее хватит. И своей диссертации, кстати, она тоже немного стеснялась, поскольку этот факт ее биографии ставил под сомнение аутентичность ее творчества. Лучше было бы без нее, подлиннее, но прошлого не воротишь, что есть, то есть.

Правда, студентам, которым она читала основы психоанализа, Регина про свое творчество тоже предпочитала особенно не распространяться. Хотя стесняться тут, в сущности, было нечего, ибо то, что она делала в искусстве, было ничем иным, как применением на практике идеи деконструкции, поскольку ее работы были не просто плодом ее праздного воображения, а позволяли людям обратиться к истокам человеческого бытия в его первозданной полноте и целостности. Тем не менее, ее очень волновала посещаемость ее курса, так как недостаточно подготовленные молодые люди, представлявшие самые различные слои населения, в том числе и из отдаленных регионов России, могли не совсем адекватно истолковать увлечение своей преподавательницы и сделать ложные выводы по поводу своего дальнейшего трудоустройства. Ее студенты не должны были

сомневаться, что в будущем станут обладателями диплома престижного учебного заведения, гарантирующего им высокооплачиваемую интересную работу. Поэтому нельзя было допустить, чтобы хоть у кого-то из них сложилось впечатление, будто из них здесь готовят туалетчиков или уборщиков, в том числе и на бессознательном уровне. Как специалисту по психоанализу ей это было абсолютно ясно. Рисковать она не могла. Тем более, что от количества студентов на ее курсе напрямую зависело благосостояние ее семьи и четверых детей.

Первоначально они с мужем, который когда-то был доцентом кафедры научного атеизма, открыли воскресную школу, где он читал основы православной культуры, а она, исключительно в качестве факультатива, знакомила детей с азами психоанализа. Однако этот проект оказался совершенно нерентабельным. Тогда они решили все переиграть и создали на уже готовой учебной базе Академию психоанализа, где она вела основной курс, а муж факультативно знакомил желающих с религией. При таком раскладе их дела пошли гораздо лучше, хотя мужу, в виду его меньшей занятости, приходилось на выходные еще и ездить в Финляндию за товарами, которые они потом сдавали в магазин на улице Правды. Четверых детей в наше время так просто не прокормишь.

Помимо мозаичных полотен, Регина была автором пяти поэзо-прозаических сборников: «За струнной решеткой лиры», «Золотые петушки», «До звезды», «Побег» и «Свобода»,-- состоящих из небольших новелл из жизни заключенных, размером не превышающих стандартное стихотворение в двадцать строк и написанных в технике «потока сознания» с активным использованием воровского арго и обсценной лексики. В данном случае все было в высшей степени аутентично, поскольку,

обратившись к образам тюрьмы и ее обитателей, она всего лишь воспользовалась языком символов и метафор, где камера олицетворяла общество в современном его состоянии, нары – один из способов существования человека, коронавание авторитетов – карьерный рост и защиту диссертации, опущение – опущение, побег – прорыв к трансцендентному и обретение экзистенциальной свободы. Большим поклонником и ценителем творчества Регины был критик Гектор Оглоблин, который даже как-то назвал ее «новым Борхесом». Из всех ее книг он особенно отметил сборник «До звезды», в котором ему очень понравилось не только содержание, но и название. Правда, после похвал Оглоблина, про Регину вообще перестали писать в прессе и куда-либо приглашать, настолько много у Оглоблина было врагов в литературной среде, что никто не хотел поддерживать его протезе. Говорили даже, что он сам давно уже это понял и специально публично хвалил тех, кто по тем или иным причинам его раздражал, чтобы таким образом создать им проблемы. В случае с Ольгой все было несколько иначе. В «Ловле бабочек» он отметил только название, а не содержание, правда, потом многие уже разгадали его тактику и перестали воспринимать его слова всерьез. А Регина на какое-то время погрузилась в настоящий вакуум и сильно из-за этого переживала.

Когда вышел ее последний сборник «Свобода», Регина устроила пышную презентацию в галерее «Безбашенные близнецы», которой владели два ее бывших однокурсника. По стенам были развешаны ее картины «Серо-буро-малиновое», «Коричневый вампир», «Кровавые следы», «Медведь-людоед», «После бала» и «Сдувшиеся шары». Ее муж, облачившись в тюбетейку и полосатую пижаму, символизирующую тюремную робу, пританцовывал и речитативом, в ритме рэпа, читал ее тексты «Золотые петушки закукарекали» и «Вам похуй все, а мне -- все до звезды», а она в это время скромно сидела в уголке, била в

барабан и приговаривала: «Сту-стук, стукачек». На основе этого номера они с мужем сформировали концертную программу и регулярно потом выступали с ней дуэтом в различных галереях Петербурга и Москвы. Посетив один из таких концертов, «квазимоды» наконец-то согласились принять ее в свое творческое объединение. До этого у них имелись серьезные сомнения по поводу ее аутентичности, хотя по остальным параметрам она полностью им подходила.

Ольга и Белла не отличались высоким ростом, однако Регина даже им была по плечо. Из-за этого кассирша в «Перекрестке» несколько лет назад, когда Регине было уже хорошо за сорок, попросила у нее паспорт при покупке сигарет. Потом она, конечно, сильно извинялась: просто так получилось, что из-за кассового аппарата она не сразу разглядела ее лицо. Это происшествие побудило Регину радикально пересмотреть отношение к самой себе, своему возрасту и времени вообще. Ведь если подумать, то все эти возрастные различия с временной дистанции абсолютно не существенны. Кого лет через двести-триста будет волновать, что ее дети были на двадцать-тридцать лет моложе ее? На таком расстоянии подобные детали полностью теряются во мгле. А через тысячу лет? Или через две? Но именно так, с точки зрения вечности и должен глядеть на себя художник, если, конечно, он всерьез рассчитывает в ней остаться. Поэтому отныне она бросает вызов обывательским представлениям о времени и отказывается стареть! Более того, она немедленно возвращается назад, в свои школьные годы.

Регина приобрела себе форменное платье с белым передником, завязала на затылке большой розовый бант и появлялась теперь на всех культурных мероприятиях исключительно в таком наряде, переодеваясь только по вечерам,

когда шла читать курс в Академии. При ее росточке со спины ее практически невозможно было отличить от девочки-третъеклассницы, не хватало только портфеля в руке или ранца за спиной. Однажды вечером, когда она возвращалась домой из кино, неся в руке пакет с очередной порцией бумажек и тампонов, собранных в туалете кинотеатра, ее неожиданно схватил сзади за руку какой-то пьяный грузин: «Дэ-эвочка, ты канфэ-этку хочэ-эшъ?» Но она уже давно была психологически готова к подобной ситуации, поэтому совершенно спокойно к нему повернулась и сказала: «Спасибо!» Увидев перед собой испещренное морщинами пожелтевшее лицо и явственно проступающую из-под редких волосок лысину, грузин разжал руку, попятился назад и, споткнувшись о поребрик, сел в лужу. А она, действительно, была ему благодарна за то, что он еще раз блестяще подтвердил ее концепцию времени.

Ольге тоже ужасно нравилась эта идея про вечность и художника. Ей приятно было осознавать, что через тысячу лет разница между ней и ее дочурками будет совсем несущественной, и она снова станет точно такой же юной, как они. Со спины ее и сейчас тоже вполне можно было бы принять за их ровесницу, во всяком случае, ночью и если еще немного похудеть и нарядиться соответствующим образом. Главное, чтобы в милицию не забрали. Хотя она и не готова была методично менять в различных анкетах данные про свой возраст, как Дубочан, которая везде, где только можно, исправляла свой год рождения сначала на 1989-й, через два года – на 1991-й, а потом – аж на 1995-й, как будто это были вовсе не года, а стрелки на циферблате, и их можно вот так запросто без конца передвигать. После того случая в кассе и встречи с грузином Регина так высоко вознеслась в вечности над остальными людьми, что даже тысячелетия ей оттуда казались не длиннее часа. Девяностые годы она теперь всегда с подчеркнутым

пренебрежением называла не иначе, как «конец второго», а сейчас у нее, соответственно, наступило «начало третьего».

Следующим кандидатом на участие в ее программе на радио стал Александр, которого Ольге рекомендовала Белла Анфини. Для этой цели она даже привела его к Ольге домой. С Александром Ольгу свел поэт Алексей Покос, у которого тот снимал комнату.

Александр приехал в Петербург из Иркутска, а до этого он жил в поселке Баргузин, недалеко от озера Байкал. Этот поселок на всю Россию знаменит, о нем даже есть в Большой Советской Энциклопедии, где он перечисляется среди прочих селений вокруг Байкала, но при этом относится к Бурятской АССР. Говорят, именно оттуда пошли слова знаменитой песни: «Эй, баргузин, пошевеливай вал», - но кто такой этот «баргузин» Александр не знал. Возможно, его соседи по деревне были в курсе, но Александр стеснялся их об этом спросить. Родители ему тоже про название их поселка ничего не рассказывали, наверное, просто забыли. Его отец руководил бригадой рыбаков, занимавшихся промыслом на Байкале, а мать работала на местном консервном заводе укладчицей. У Александра было три старших сестры, а он был младшим и единственным сыном, поэтому мать его любила больше всех. Отец был очень властным, а мать, наоборот, мягкая и покладистая. Родом отец Александра был из шляхтичей, которых очень давно русский царь за непокорность ссылал в Сибирь. Поэтому и фамилия у них была для русского уха не особенно привычная, хотя и дворянская, Мочепырские, из-за чего в поселке их недолюбливали, смотрели на них косо. Отец Александра обожал Наполеона и вообще всех сильных правителей: Сталина, Юлия Цезаря, Чингисхана. Ему очень хотелось иметь сына, но поначалу

рождались только девочки, и когда у него родилась третья дочка, он понял, что это неспроста: возможно, они с женой прогневали главную силу, дававшую им пропитание и благополучие. А основным источником их благосостояния всегда была рыба или рыбы – можно и так сказать, и сяк, все будет верно. Похоже, они с женой решили, что это они сами такие умные и удачливые, а благодарность главной силе забыли вознести. Отец каждое утро на моторной лодке совершал объезд отведенного ему участка, следил, чтобы весь улов сдавался в заготовительную контору, и в руках недобросовестных рыбаков ничего не оседало. Мать же запихивала рыб в консервные банки, стараясь укладывать их ровно и красиво, чтобы людям потом было приятно не только этих рыб есть, но и на них смотреть. Однако в процессе непрерывной работы они, видимо, совсем забыли о самом важном в этой жизни. Теперь необходимо было срочно исправлять допущенные недочеты.

Каждый вечер после работы отец стал приносить с собой пару рыбешек знаменитого байкальского омуля, стараясь выбирать самые красивые, гладкие и крупные экземпляры. Он тщательно мыл их щеткой и заботливо складывал в миску на тумбочке рядом с кроватью. Ночью же, когда они ложились в постель и приступали к исполнению супружеских обязанностей, стараясь зачать долгожданного сына, он незаметно брал одного омуля и запихивал в лоно своей жены, стараясь действовать ненавязчиво, ритмично и гармонично. Та же, очевидно, по ощущениям, догадывалась, что происходит, хотя и не видела действий супруга, и начинала еще сильнее стонать и охать, при этом в ее столах появилась какая-то новая торжественная нотка. Поэтому отец чувствовал, что она и на самом деле испытывает что-то новое. Между тем, время шло, но ничего не происходило. И отец Александра стал сомневаться: может быть, он делает что-то не так, неправильно. Нужно было

понять, в чем заключается его ошибка. Может, омуля не стоило уж так старательно мыть, он и так чистый, байкальская вода его омыла, а он – водопроводной? А может, надо было не омуля брать, а голомянку – есть такая рыбка живородящая, правда, ее никто не ловил, поскольку она считается непромысловой? Но мать Александра ему сказала, что голомянку не надо, она на человека уж больно похожа, омуля лучше. Короче, Василий перестал мыть омуля под краном, а стал использовать его в естественном виде, более привычном для окружающей среды. И только после этого наконец-то жена сообщила ему о своей беременности. Радости отца не было предела. Конечно, в душе он побаивался, что опять родится девочка, но был почти уверен, что на сей раз ему повезет. И действительно, через положенное время родился мальчик, причем очень маленький и в профиль чрезвычайно похожий на рыбу: нос у него был в одну линию со лбом, а почти сразу после носа начинался рот, и глаза были посажены строго симметрично, по обе стороны приплюснутого черепа. Однако мальчик был симпатичный, мать его сразу очень полюбила, да и отец - тоже, хотя и боялся испортить парня чрезмерным вниманием и бабьей заботой, у них ведь в семье было аж четыре бабы. Мальчика назвали Александром – в честь Александра Македонского. В семье у них любили повторять, что Санек пришел к ним при помощи байкальского омуля, хотя подробностей при этом обычно избегали. Впервые Александр услышал все детали этой истории от отца, когда тот сильно напился на поминках бабушки. К тому времени он уже незаметно повзрослел, вот только росточком не особенно вышел, но ничего, как любил говорить его отец: маленькая блоха больнее кусает. Да и Наполеон был совсем крошечного роста, а вон чего достиг. Вся комната отца была оклеена портретами Наполеона. Из всех сильных правителей он был его самым главным кумиром.

Сам Александр мечтал уехать во Францию, потому что там очень высокая социальная защищенность граждан – так ему объяснил его друг, актер, который играл в детском спектакле про Колобка, правда, не самого Колобка, а деда. Друг Александра часто уезжал на гастроли, и тогда ему не с кем было даже посоветоваться. В Петербурге Александр жил уже три года, но до сих пор чувствовал себя тут совсем чужим. Большинство людей в огромном городе представлялись ему крайне озлобленными и враждебно настроенными. Такое впечатление, что тут вообще никто никому не верит. Люди прямо отскакивают от него, когда он к ним приближается. На днях он зашел в булочную, которая называлась «Французская булочная», и спросил у девушки-продавщицы, действительно ли эта булочная французская и есть ли тут французы. Так та на него вытаращила глаза, будто он ей непристойность какую-то предложил, и еще по сторонам начала оглядываться, как бы ожидая помощи, того и гляди, охранники выскочат, поэтому он сразу предпочел от греха подальше удалиться, так и не дождавшись ответа на свой вопрос. И милиция его все время останавливает, буквально каждый божий день, сначала требуют документы, а потом забирают все деньги. Один раз даже послали его еще за деньгами, езжай, мол, и еще привези, а то у него их мало с собой было, или им просто мало показалось - всего двести пятьдесят рублей. Он поехал, но обратно уже не вернулся, нечего им. При этом они его не то, чтобы на «вы», а все на «ты» да на «ты», а если он что-то им сказать пытается, то в ответ слышит: «молчи, баран». Недавно его и вовсе задержали, отобрали паспорт и сказали, что прописка в нем фальшивая, так что теперь из-за этого фальшивого штампа весь его паспорт недействительным оказался, то есть ему теперь нужно тащиться обратно к себе в Иркутск и там паспорт менять. Ну, это просто кошмар какой-то! Эту прописку ему друг сделал, удружил, как

говорится, сказал, что у него знакомая работает в специальной конторе, где ему прописку в лучшем виде оформят. Он пошел к этой знакомой, заплатил ей семь тысяч, даже букет цветов купил, и вот ему сделали эту прописку. А теперь его каждый день милиционеры задерживают, и все в один голос твердят, что прописка фальшивая. Каждый раз, как только его паспорт открывают и видят эту прописку, его сразу же хватают и тащат для выяснения личности. Последний раз всего обыскали, все из карманов повытаскивали и на стол сложили, а потом еще за ноги подняли и вниз головой трясти стали, мол, он роста маленького, поэтому так будет надежнее, так у него в карманах точно ничего не останется. А у него после голова ужасно разболелась, и он попросил у них воды, чтобы запить таблетку солпадеина, который он все время принимает, так что он на него уже почти и действовать перестал, приходится по две таблетки за раз съедать. Правда, их начальник его пожалел и сказал: «Знаешь, Саня, езжай-ка ты к себе на Байкал, и выправи себе нормальный паспорт, с человеческой пропиской, а тут ты только мучиться будешь. Заберут у тебя паспорт этот, и останешься ты вообще без документов. Я-то пока тебя отпускаю, мне тебя жаль, я же человек все-таки». И паспорт ему все же вернул. Спасибо и на том.

Александр снимал комнату в квартире своего друга, где тот проживал вместе со своей женой. Жена друга сразу возненавидела Александра, она вообще очень властная и своенравная, и Лёша, друг Александра, был у нее под каблуком. А все потому, что они не по любви женились. У жены есть квартира, вот он и женился, а любви как не было, так и нет. Детей его жена не хочет. Вот так они и живут, мучаются, короче. Лёша стихи сочиняет. Александр еще в армии с ним познакомился и с тех пор переписывался, а потом решил к нему в Питер приехать, хотя толком его не знал, они только здесь уже по-настоящему познакомились. А как эта афера с

пропиской вскрылась, то Александр решил к нему в ноги кинуться и попросить, чтобы он его у себя прописал. Но Лёша весь как-то скривился, голову вниз опустил и сказал, что подумает. До сих пор думает, но, видно, не хочет он другу помочь, так как это может создать ему дополнительные проблемы. Александр уже это понял.

Зарабатывал Александр неплохо, вот только уставал ужасно, и времени у него ни на что не оставалось. Он работал в конторе, которая занималась очисткой памятников архитектуры. Недавно они убрали грязь с чердака Исаакиевского собора и отмывали там старые кирпичи, а сейчас их бригаду перевели на Спас-на-крови. Бригадир, который был непосредственным начальником Александра, вообще считал, что если у человека нет детей и жены, то ему дома делать нечего. А Александр и был именно таким человеком, поэтому бригадир заставлял его работать больше других.

Телефон Беллы ему дал Леша. Она преподавала во Французском институте и согласилась обучать его французскому прямо у него дома, за дополнительную плату, конечно, но это мелочи. Французский Александру был жизненно необходим. Как он без него во Франции будет? Никак. А Изабелла Соломоновна Анфини по отцу была наполовину француженкой, провела в Париже почти все детство, то есть фактически являлась носителем языка, и это уже само по себе стоило на порядок дороже. Такую преподавательницу, если бы не Леха, он себе ни в жизнь не нашел.

Перед первой встречей с Беллой Александр помыл голову и надел свой самый красивый джинсовый костюм, прибрался в комнате, открыл пианино и поставил на него раскрытые ноты с песней Джо Дассена. Он раздобыл эти ноты совсем недавно. Просто прочитал в газете объявление об уроках музыки, позвонил и попросил ноты песни Джо Дассена «Э си тю нэкзистэ па». А играть

на пианино он и сам умел, и еще на аккордеоне и на гармошке. Они со своей бывшей женой даже выступали в Иркутске на улице и так зарабатывали. Он был в маске крокодила Гены и играл на гармошке песню «Пусть бегут неуклюже пешеходы по лужам», а жена изображала Чебурашку и тихонько ему подпевала. Ну, не совсем жена, а просто подруга, женщина за сорок, с которой он одно время жил, и которая ему помогала, поддерживала в трудную минуту, так сказать. Ему, кстати, тогда удалось довольно неплохо заработать. Он как раз собирал на дорогу в Петербург, потому что был уверен, что во Францию он сможет попасть только оттуда. Правда, однажды к нему подошли милиционеры, забрали все деньги и даже гармошку хотели отобрать, но жене в последний момент удалось их уговорить оставить инструмент, а вот денег они все же лишились. Нигде в этом мире не было справедливости. Александру казалось, что он родился под несчастливой звездой, но все же эту справедливость он надеялся обрести во Франции, ведь не может же так быть, чтобы все и всегда для него складывалось неудачно. Вскоре они с этой женщиной расстались, ведь Александр собирался во Францию, а с ней он никак не мог туда попасть.

Музыкант, которому он позвонил, готов был написать ему ноты песни Дассена, но запросил за это тысячу рублей. Александр согласился, уж такой у него был характер, он никогда и ни с кем не торговался, и даже если покупал плохую вещь, никогда не ходил и не требовал деньги обратно, даже если у него была гарантия, срок которой еще не истек. Он уже давно задумал исполнить эту песню какой-нибудь француженке, у которой будет брать уроки.

Момент, связанный с рыбами, показался Белле наиболее значимым в биографии Александра, поскольку всем известно, что рыба по латыни будет «ІНТЕОS», что является буквальной анаграммой Иисуса Христа Сына Божия, из-за чего изображение

рыбы в христианской традиции издревле использовалось в качестве одного из символов, обозначающих Бога. Она уже говорила с мужем Регины, и он полностью ей это подтвердил. А Александр, плюс ко всему, был таким чистым, наивным и доверчивым, не тронутым цивилизацией, совсем как князь Мышкин у Достоевского или же Иванушка-дурачок из русской сказки. По этой причине, для нее как для женщины, опускавшейся на самое дно этого мира, побывавшей в настоящем публичном доме, встреча с Александром тоже обрела дополнительный символический смысл. Возможно, он явился к ней, чтобы таким образом ее спасти и искупить ее грехи. По этой причине, со своей стороны, она считала себя просто обязанной тоже ему как-то помочь в той непростой жизненной ситуации, в которой он оказался, без паспорта, по сути, совсем один в большом капиталистическом городе. Для Александра Петербург – это же фактически то же самое, чем для нее в свое время был Брюссель. Так что она очень хорошо его понимала. И вот если бы он мог поделиться с радиослушателями своими проблемами, то, может быть, кто-то из них ему бы и помог, например, выступил спонсором в осуществлении его мечты о поездке во Францию. А заодно и они с Ольгой тогда, возможно, съездили бы в Париж в качестве его опекунов. Ольга бы устроила там в какой-нибудь галерее свою выставку и выступила с чтением стихов. Она же помнит, как французам тогда у них в институте понравилась ее поэзия?

Ольга в целом была с Беллой согласна. Ей как праправнучке архидиакона Спасо-Преображенского собора все эти символы тоже были очень близки и понятны. В этом мире нет ничего случайного, все предначертано свыше. Господь указывает заблудшим людям дорогу, посылая им знаки в виде различных предметов и встреч с необычными личностями. Только вот, как им это дело обставить? Гомер Рогожка, конечно, выступал у нее как

человек из народа, у них это приветствуется. Но гость программы, который постоянно говорит вместо «ихний» -- «евоиный», пожалуй, это уже слишком. Как бы ей в данном случае с народностью не перебрать. И потом, Гомер добился успеха, стал звездой современной культуры. А как ей представить Александра слушателям? В качестве символа Иисуса Христа? Их директор может такого и не понять. Короче, концепция передачи явно нуждалась в доработке.

В этот момент Александр, молча сидевший во время их с Беллой беседы в углу комнаты перед монитором компьютера ее младшей дочери – Ольга даже подумала, что он увлекся там какой-нибудь игрой – вдруг поднялся со стула и с блаженной улыбкой, которая, кажется, никогда не сходила с его лица произнес: «Посмотрите, Ольга Глебовна, какое объявление, благодаря своим связям во Франции, помогла мне вывесить в Интернете Белла Соломоновна. Этот сайт доступен только для избранных, его читают в самых богатых кварталах Парижа. Но Белле Соломоновне удалось договориться совсем недорого, всего за двести евро. И себе она даже ничего не взяла. Я ей так благодарен». Белла попыталась ему возразить: «Не стоит, Александр. Зачем вы тут поднимаете эту тему?..» Но Ольга уже подошла к компьютеру и к своему глубочайшему изумлению увидела перед собой страницу Живого Журнала, с которой на нее взирал блаженно улыбающийся Александр в русской косоворотке и с гармошкой в руках. Под фото крупным шрифтом было написано: «Молодой человек дворянского происхождения, без вредных привычек, интересуется музыкой и вокалом, желает познакомиться с француженкой, проживающей в Париже. Писать: mocheryr81@yandex.ru». Чуть ниже, то же самое дублировалось по-французски. «Белла Соломоновна говорит, что послезавтра срок этого объявления истекает, а у меня сейчас совсем нет денег, чтобы его продлить. Но может быть, кто-нибудь

еще мне и напишет, я бы очень хотел», -- продолжил Александр со все той же блаженной улыбкой на лице.

У Ольги даже челюсть отвисла от такой наглости и цинизма. Как Белла могла взять бабки с этого деревенского простачка, о котором она тут только что с три короба наплела, за страницу в блоге, какую каждый может себе без проблем открыть буквально за пять минут, причем совершенно бесплатно? Ну, она дает! Но как же быть? Все-таки Белла была ее самой близкой подругой, а этого Иванушку-дурачка она видела в первый и, возможно, последний раз в жизни. Не выкладывать же ему вот так сейчас сразу всю правду. А вдруг он впадет в буйство и прирежет Белку ножом прямо у нее в квартире, а заодно избавится и от нее как от свидетеля. Разумней было все же дождаться, пока они уйдут, а там уже с этой благодетельницей переговорить, вправить ей мозги.

Тем же вечером Белла сама позвонила Ольге и стала нести какую-то пургу про то, как ей неловко, что так получилось, но просто ей не хотелось разрушать мечту Александра про Францию, а реальные сайты, действительно, могут стоить денег, которых, как Ольга знает, у нее нет, поскольку приходится одевать и кормить дочку. Без бабок же вся эта катавасия выглядела бы для него совершенно не убедительно, а так он хотя бы недельку порадовался и пожил в своей мечте, каждый день засыпая в ожидании весточки от своей французской избранницы. Разве это не здорово? Неужели Ольга не в состоянии этого понять из-за своей дубовости и испорченности? Ольга все прекрасно понимала. Ей тоже надо было помогать дочерям получить образование, и бабок у нее тоже постоянно не было, в том числе и сейчас. Поэтому, чтобы не вдаваться в детали, она хотела, чтобы Белла отвалила ей половину от полученной с Александра суммы. За молчание. Иначе, она как православный и глубоко верующий человек, внучка архидиакона,

просто вынуждена будет его просветить насчет этого «дорогостоящего сайта для состоятельных парижанок» и снимает с себя всякую ответственность за последствия. А судя по улыбке, Александр очень похож на сумасшедшего. Ольга таких в своей жизни уже встречала и не раз.

Теперь уже Белла была в шоке от услышанного. Она соприкасалась с самыми темными сторонами жизни, видела таких извращенцев, что Ольге и не снились, но чтобы шантажировать свою лучшую подругу и вымогать у нее бабки - подобного она еще никогда не встречала. Даже те, что стояли когда-то рядом с ней на панели - и то столь низко никогда не опускались! Женщины, лишившиеся буквально всего, доведенные до последней черты унижения, сохраняли в своей душе благородство и представление о нормах элементарного приличия. Впрочем, ладно, она согласна дать Ольге пятьдесят евро, раз уж та так нуждалась, или же немедленно повесит трубку... В конце концов, Ольге все-таки удалось выбить из Беллы семьдесят евро. Однако она потом еще долго жалела, что не настояла на своем и сбавила цену за свое молчание. Белла ведь, наверняка, и эту возню с передачей затеяла, чтобы у нее за спиной срубить бабла с того маньяка с ангельской улыбкой на лице.

Однажды Ольга купила на день рождения своей старшей дочке 3-х пиксельный фотоаппарат Canon и по дороге из магазина увлеклась фотографией. Сделанные ею тогда двадцать снимков проспекта Обуховской обороны легли в основу выставки «Путь домой». Выставка стала первой за три года существования галереи «Промзона» на Парнасе, которую посетили больше десяти человек.

Куратор выставки, искусствовед Борис Шредер, подвез ее на своей машине до Эрмитажа.

В том же году она написала стихотворение «Привет!», состоявшее из единственной строчки: «Здравствуйте, здравствуйте, я пришла»,– слова которой были набраны из букв разных размеров и прочитывались по диагонали, начиная с верхнего левого угла страницы. Через год в альманахе «Кабинет доктора Менгеле» было опубликовано ее стихотворение «Прощай!»:

До свидания, до свидания, пока-пока.
 Дождь долгожданный стучит по крыше здания:
кап-кап.

Здание мира – это и есть мироздание.
 Пр-р, кр-р, тр-р, чр-р, м-р-р, д-р-р Мухи и Паука.

В ее первом документальном фильме из жизни случайных посетителей кафе «Нямбург» приняли участие девять художников из группы «Петербургские чудаки и оригиналы», ежик Мухомор и танцовщица Нора Мовсесян.

Год спустя Ольга снялась в пятнадцатиминутной экранизации трилогии Дюма про мушкетеров режиссера Сидельникова. В фильме она сыграла королеву Марго, раздающую рекламные проспекты прохожим возле метро «Пролетарская». То есть фактически саму себя.

август 2011 года, Санкт-Петербург